

венно переходящие в вопль, призыв, клич... Как это можно из груди маленькой Электры извлечь такую силу чувств, такую бурю тонов!

НЕ ПОСКУПИМСЯ на слова высокой похвалы, если они так очевидно заслужены.

Да, откровение! Столетиями измеряется опыт нового театрального искусства в его неустанным стремлении выразить дух античного театра. И вот сейчас, на наших глазах, это произошло. Громогласное «Эврика!» сказано скромной группой театра из города Пирея, руководимой замечательным режиссером Дмитрием Рондирисом.

Шли века, и театр, драматические творения которого стали истоком всей последующей драматургии, этот театр оставался в своем прошлом и хранил свою главную тайну. Актеры нового времени поднимались на античную сцену, и пафос трагических страстей, бушевавших в груди Прометея, оставался только пафосом, лирической стихией, горячий, пылкой, но роковым образом отдаленной от живого духа нынешних дней. Новый актер снял маску, сошел с котурнов, перестал цет, он делал как будто все, чтобы условную (как ему казалось) фигуру мифологического героя очеловечить и приблизить к современному характеру, но оставалась холодной душа героя. Эдип и Медея пребывали великими памятниками прошлого, а не живыми, трепетными, раздираемыми сомнениями и страстно ищущими правду людьми. Герои были красивы, как бессмертные статуи, они говорили, заполняя каждую интонацию музыкой, они обращали в поэзию всякое свое переживание и

оставались творениями искусства, самого возвышенного, прекрасного, но все же только искусства. Были художественными видениями, творческим воспоминанием, а не самой правдой прекрасного детства человечества, не самим творчеством народа Эллады.

И вот чудо совершилось. Все накопленное театром, начиная с эпохи французского классицизма, через опыты великих трагиков XIX века, через интереснейшие эксперименты Рейнгардта, все лучшее из этих достижений как будто сосредоточилось в постановках «Электры» и «Меды», осуществленных греческими актерами из города Пирея. Будто из препосходной древней амфоры вышел дух самой трагедии, заговорил живыми, страстными голосами, поднялся на бесстрашную борьбу за правду и человечность. Это чудо произошло потому, что Антей древнего театра всстал на землю, на реальную землю Пирея, на реальные камни Европы, на горячую почву современности.

«Электра» начинается очень знаменательно. Выходит Наставник Ореста в сопровождении своего ученика. Он показывает ему места, где в прошлые годы было совершено страшное злодеяние — мать Клитемнестра в сообществе со своим любовником Эгисфом убила отца Ореста и Электры, героя Троянской войны царя Агамемнона. Актер А. Ксенакис одет и загримирован так, что в нем можно найти сходство со знаменитой статуей самого

Софокла, но это не ожившая скульптура. Актер выходит на сцену большими шагами, он полон решимости, энергии и силы. Его речь — страстный призыв к действию, к правому отмщению. Этот Софокл — не великий старец, посмертно приравненный к сонму богов, а гражданин и борец, смысл бытия и творчества которого — бой, бой со злом, возобладавшим в мире.

На крыльях этой великой жизненной миссии врывается в спектакль его душа — Электра. Ее еще нет на сцене, но голос Электры, раздавшийся за кулисами, вещает что-то громадное. Он полон отчаяния, мук и слез, но горестные тона не ослабляют звука, а придают ему великую силу негодования, нетерпеливую и страстную жажду действий.

Аспасия Папатанассиу — одна из лучших трагических актрис современности. Маленькая женщина в темном рубище, в темном платке, спадающем ей на плечи. Вот она, царская дочь, по таинственным законам рока обязанная мстить за смерть отца — требовать казни матери. Можно, конечно, в трагедии Софокла отыскать строки, в которых будут намеки на эту роковую предопределенность мести. Но, помня миф, великий поэт уже сам писал образ Электры свободной гражданкой, по собственной воле вставшей против мира злодейств. Этот поворот мифа стал основой концепции спектакля Рондириса и гением, поведшим актрису к ее блистательной победе.

Электра Папатанассиу с первым всплеском горя и через всю роль, как огромную трагическую тему, несет идею непокорности злу. Степень этого чувства необычайно сильна, никакие расчеты разума, никакие призывы к осторожности ее не могут остановить. Убежденность Электры в необходимости восстановить справедливость сильнее ее собственной природы. Поражает, как в этом маленьком теле может бушевать такое горе, такое негодование. Через личный протест растет, ширится, выходит далеко за пределы собственных чувств всеобщее чувство, прометеев огонь непреклонной абсолютной необходимости возмездия. Это не царевна, мстящая захватчикам трона, не дочь, мстящая за смерть отца, это сам народ, создавший в образе чистой, юной простой девушки величайший поэтический образ воинствующей правды. Трагическая актриса чувствует эту миссию своей героини, и планы игры Папатанассиу смещаются с поразительной силой все нарастающего пафоса. Вот Электра сама с собой, со своим личным горем. Речь ее прерывается глухими стонами, лицо залито слезами, руки то мертвенно висят, то лихорадочно ищут сердце; вот она с хором. Из собственного горя вырастает ее решимость, голос крепнет, называется гневом, теперь он уж звучит повелительно. Электра среди девушек — вождь; она та, кто скажет: «А мне одна лишь пища: дух свободный». Множа свои силы поддержкой хора, Электра рванулась в зал, и голос чудодейственно загремел, взметнувшись к самому куполу зрительного зала, наполнив все пространство, в котором мы дышим. Такое доводилось слышать только у замечательных певцов. Но певческий голос — это звуковые волны, подчиненные упругой, почти физической силе музыкальных ритмов, а голос Папатанассиу — это человеческая страсть, это живые и трепетные модуляции вздохов, мгно-

Но поет же соловей, серенькая птичка, которую можно укрыть в ладони, поет же соловей так, что его трелям нужны многие версты земли и неба!

«Соловьем тоскующим» зовет хор свою Электру.

...Разве в беглых строках первого отклика можно рассказать о потрясающей игре актрисы, о полном бунтарской дерзости споре Электры с грозной властительницей-матерью Клитемнестрой (Г. Сарис). Этот страшный крик Электры при вести о смерти брата, ее тело, рухнувшее наземь. И сцена с урной, сильнейшая во всем спектакле: Электра обнимает фиал с прахом Ореста, как тельце ребенка, только что умершего на руках матери... Лишь актрисы не высыхают от слез, и люди, не понимающие слов чужого языка, сидят с приостановленным сердцем, нimb плачут... Но слезы Электры только приумножают во сто крат ее силы — чем ночь темней, тем ярче звезды. Покарать злодеев, подняться во имя человечности на преступников и смести их с лица земли!

Великолепным аккордом счастья от свершенного возмездия заканчивается эта роль, главная сила которой в бескомпромиссности, в гармонической и светлой основе трагического характера. Это гармоническое начало лежит в недрах натуры и второй героини Папатанассиу, в ее Мее. Женщина, необыкновенно целостная и целомудренная и в любви, и в материнстве, обретает свою титаническую силу независимости и жажду отмщения, потому что опять выходит за пределы личного горя и действует от имени правды, как таковой.

Этот широкий социальный масштаб трагических образов создается не только самой исполнительницей заглавных ролей — тут велика заслуга хора и великолепного хореографа театра талантливой Лукки.

Рассказать о хоре, о девушках, каждая из которых — актриса, пантомимистка, певица и танцовщица, рассказать о хоре, о единстве их голосов, вздохов, жестов, реплик, единстве переживаний, сочувствий и дум, рассказать о таком хоре (интервью увидено) — дело очень не легкое. И во всяком случае неосуществимое в последних строках нашей небольшой статьи.

Скажем только одно: мы видели хор в «Электре», и рядом с трагической Папатанассиу было еще 14 юных Электр, а рядом со страдающей мстительницей Меей — 14 стонающих от душевных мук покинутых жен и любящих матерей.

Эта общность чувств, движений и голосов создает необыкновенный эффект единства и монументальности героинь Софокла и Еврипида, придает огромную поэтическую силу идеям трагедий и выявляет как откровение народную основу гуманистического идеала. Идеала, но имя которого человечность шла в бой и побеждала. Так было и так будет во веки веков!

Г. БОЯДЖИЕВ,
профессор.

А. Папатанассиу в роли Медеи.

Сцена из спектакля «Электра».

Фото А. ТРОШИНА.

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
9 ФЕВ 1953
Г. МОСКВА